

*Посвящается моей старшей сестре Эмили:
если бы не ее энтузиазм,
эта история
так и осталась бы незаконченной*

*А от древа познания добра и зла не ешь
от него, ибо в день, в который ты вкусишь
от него, смертью умрешь.*

Быт. 2:17

Пролог

Я никогда не задумывалась о том, как умру, хотя в последние месяцы поводов было предостаточно, а если бы задумалась, то едва ли могла бы предположить, что это произойдет именно так.

Затаив дыхание, я уставилась в противоположный конец длинного зала, прямо в непроницаемые глаза охотника, и он любезно ответил мне взглядом.

Конечно, это правильный выбор — умереть вот так, за дорогого тебе человека. Достойная смерть. Это что-то да значит.

Я знала: если бы я не приехала тогда в Форкс, то сейчас не смотрела бы в глаза своей смерти. Но даже сейчас, несмотря на ужас, объявивший меня, я не испытывала сожалений. Глупо горевать о том, что жизнь подходит к концу, когда взамен судьба предлагает исполнить мечту, превосходящую твои самые смелые ожидания.

Охотник приветливо улыбнулся и не спеша направился убивать меня.

Глава 1

Первый взгляд

Мама везла меня в аэропорт, опустив стекла в окнах машины. В Финиксе было плюс двадцать четыре, в небе ни облачка — безупречная синева. В знак прощания с городом я надела свой любимый топ без рукавов, с белым шитьем. В ручной клади лежала парка.

На полуострове Олимпик в северо-западной части штата Вашингтон есть городок под названием Форкс, почти постоянно укрытый облачной завесой. В этом ничем не примечательном городке дожди идут чаще, чем где-либо еще в США. Оттуда, из этого унылого и вездесущего сумрака, мама сбежала вместе со мной, когда мне было всего несколько месяцев от роду. Там же я потом каждое лето маялась по целому месяцу, пока в четырнадцать лет не заявила наконец, что с меня хватит, благодаря чему в последние три года мой отец Чарли на целых две недели берет меня с собой в отпуск в Калифорнию.

И вот теперь я отбываю в ссылку не куда-нибудь, а именно в Форкс — на это решение я обрекла себя с ужасом, потому что ненавидела Форкс всей душой.

А Финикс любила — любила солнце и обжигающий зной, любила этот кипучий, привольно раскинувшийся город.

— Белла, — уже перед посадкой в самолет сказала мама в тысячный и последний раз, — тебе не обязательно уезжать.

Мы с мамой похожи, только у нее короткие волосы и морщинки от частого смеха. Я заглянула в ее по-детски широко распахнутые глаза, и на меня накатила приступ паники. Как я могу бросить на произвол судьбы мою нежную, взбалмошную, легкомысленную маму? Правда, теперь ее опекает Фил, так что счета будут оплачены, в холодильнике будет еда, в маминой машине — бензин, а если она заблудится, то будет знать, кому позвонить, и все же...

— Я хочу уехать, — соврала я. Врать я никогда не умела, но в последнее время повторяла эту ложь так часто, что сейчас она прозвучала почти правдоподобно.

— Передавай привет Чарли.

— Передам.

— Мы скоро снова увидимся, — уверяла она. — Приезжай домой, когда захочешь, и я сразу же вернусь, как только понадобится тебе.

Однако в глазах ее отчетливо читалось, что для нее это будет непосильная жертва.

— Не волнуйся ты так, — попросила я. — Все будет замечательно. Я люблю тебя, мама.

На минутку она крепко прижала меня к себе, потом я пошла на посадку, а мама уехала.

Четыре часа лету от Финикса до Сиэтла, еще час — на маленьком самолете до Порт-Анджелеса, потом час езды на машине до Форкса. Против перелетов я ничего не имела, зато перспектива провести час в машине с Чарли меня немного беспокоила.

Во всей этой ситуации Чарли проявил исключительное благородство. Он, похоже, по-настоящему обрадовался, что я приеду к нему на такой долгий срок. И уже записал меня в местную школу и даже собирался помочь обзавестись машиной.

И все-таки неловкости в присутствии Чарли было не избежать. Мы оба не особенно разговорчивы, к тому же я понятия не имела, о чем с ним говорить. Я знала, что мое решение

здорово озадачило его: как и мама в свое время, я не скрывала, что терпеть не могу Форкс.

Когда самолет сел в Порт-Анджелесе, шел дождь. Я не увидела в этом плохой приметы, а приняла как данность. С солнцем я уже распрощалась.

Чарли встретил меня на полицейской машине. Как и следовало ожидать. Для законопослушных жителей Форкса он — начальник полиции Свон. Я сразу решила не затягивать с покупкой собственного транспорта, даже несмотря на нехватку денег, чтобы не ездить по городу с красно-синей «мигалкой» на крыше. Полицейские машины ужасно затрудняют уличное движение.

Я неуклюже выбралась из самолета, и Чарли неловко обнял меня одной рукой.

— Рад видеть тебя, Беллз, — он улыбнулся и машинально поддержал, когда я споткнулась и чуть не упала. — Ты почти не изменилась. А как Рене?

— У мамы все хорошо. Я тоже рада видеть тебя, папа, — мне не разрешалось звать его в глаза по имени.

Из багажа у меня было всего лишь несколько сумок. Большая часть одежды, которую я носила в Аризоне, не смогла бы защитить меня от вашингтонских дождей. Мы с мамой объединенными усилиями попытались пополнить мой зимний гардероб, но он все равно получился скромным и легко уместился в багажник патрульной машины.

— А я нашел неплохую машину, в самый раз для тебя, и совсем недорого, — объявил Чарли, пока мы пристегивали ремни.

— Какую? — Меня насторожил тон, которым он уточнил, что эта «неплохая машина» будет «в самый раз» для меня.

— Ну, вообще-то это пикап «шеви».

— Откуда он у тебя?

— Помнишь Билли Блэка из Ла-Пуша?

Ла-Пушем называлась крошечная индейская резервация на побережье.

— Нет.

— Раньше он рыбачил с нами летом, — напомнил Чарли.

Понятно, почему я забыла его: я старалась вытеснить из головы мучительные и никчемные воспоминания.

— Теперь он в инвалидном кресле, — продолжил Чарли, не дождавшись от меня ответа, — машину больше не водит, потому и предложил мне свой пикап.

— Какого года?

По лицу Чарли я поняла: он надеялся, что я не догадаюсь об этом спросить.

— Билли столько трудов угрохал на мотор, и машина совсем не старая...

Неужели Чарли думает, что я так легко сдамся? За кого он меня принимает?

— Когда он купил ее?

— Кажется, в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом.

— Новую?

— Вроде бы нет. Новой она была в начале шестидесятых. Или, самое раннее, в конце пятидесятых, — смущенно признался он.

— Чар... папа, в машинах я ничего не смыслю. Если она сломается, сама я починить ее не смогу, а автомастерская мне не по карману...

— Вот увидишь, Белла, эта штука отлично бежит. Теперь таких не делают.

Я мысленно отметила «штуку»: звучит многообещающе — почти как название.

— «Дешево» — это сколько?

В этом вопросе компромиссов быть не могло.

— Знаешь, милая, я вроде как уже купил ее тебе. В качестве подарка к приезду, — Чарли бросил в мою сторону беглый взгляд, его лицо осветилось надеждой.

Ух ты, даром.

— Ну зачем ты, папа! Я собиралась купить машину на свои.

— Ничего, лишь бы тебе здесь понравилось, — не сводя глаз с дороги, ответил Чарли. Выражать чувства он явно не привык. Я унаследовала от него эту стеснительность, поэтому ответила, тоже не глядя на него:

— Как здорово, папа! Спасибо. Я очень благодарна тебе.

Добавлять, что в Форксе мне просто не может понравиться, не стоило — зачем разочаровывать Чарли? И, кроме того, я не собиралась смотреть дареному пикапу в зубы — или в мотор.

— Э-э... не за что, — пробормотал он, смущенный моей благодарностью.

Мы перекинулись парой замечаний о погоде, которая была сырой, а когда разговор иссяк, молча устали в окна.

Да, здесь было красиво, спорить не стану. Сплошная зелень — обросшие мхом стволы, навес из густой листвы, папоротники под деревьями. Даже воздух, казалось, становился зеленым, проникая сквозь листья.

Слишком зелено, как на чужой планете.

Наконец Чарли привез меня домой. Он по-прежнему жил в маленьком доме с двумя спальнями, который купил вместе с моей мамой сразу после того, как они поженились. Единственная хорошая пора их семейной жизни — самое начало. На улице перед домом, который ничуть не изменился, стоял мой новый — точнее, новый только для меня — пикап: когда-то красный, а теперь выгоревший, с большими выпуклыми крыльями и округлой кабиной. К моему изумлению, он мне понравился. Хотя я и не знала, как ездит эта машина, я легко могла представить себя в ней. К тому же она оказалась одной из тех прочных железных тачек, которые просто невозможно «убить»: из столкновений с другими машинами они выходят без единой царапины, тогда как остальные участники происшествия превращаются в бесформенную кучу железа.

— Ого, пап! Она мне нравится! Спасибо!

Грядущий день уже не казался таким беспросветным. По крайней мере, мне не придется выбирать, что хуже — тащиться в школу под дождем на своих двоих или на полицейской машине с мигалкой.

— Вот и хорошо, что тебе понравилось, — пробормотал Чарли, снова смутившись.

Вещей было немного, и мы перенесли их наверх за один раз. Мне досталась западная спальня с окнами на улицу. Эта комната числилась за мной с самого рождения. Дощатый пол,

голубые стены, высокий скошенный потолок, пожелтевшие тюлевые занавески на окнах — все здесь напоминало о детстве. Когда я выросла, Чарли только заменил детскую кроватку и прибавил к обстановке письменный стол. Теперь на нем стоял подержанный компьютер с проводом модема, прибитым скобками вдоль плинтуса. Такое условие поставила мама, чтобы нам было легче поддерживать связь. В углу по-прежнему находилось кресло-качалка времен моего младенчества.

На втором этаже только одна ванная, общая для меня и Чарли. Я решила, что как-нибудь сумею это пережить.

Чарли хорош тем, что не стоит над душой. Он деликатно оставил меня одну, чтобы я могла спокойно распаковать и разложить вещи, — от мамы этого не дождешься. Приятно хоть немного побыть одной, не улыбаться и не делать довольный вид, с отсутствующим видом поглазеть в окно на дождевую пелену и ненадолго дать волю слезам. Рыдать я была пока что не в настроении. Приберегу слезы на потом, когда буду лежать в постели и задумаюсь о завтрашнем дне.

Средняя школа Форкса ужаснула общим количеством учеников — триста пятьдесят семь человек, вместе со мной — триста пятьдесят восемь; дома, в Финиксе, в одних только старших классах их насчитывалось более семисот. Все здешние школьники выросли вместе, их деды знали друг друга еще детьми. А я окажусь среди них новенькой из большого города — диковиной, чудачкой.

Может, будь я похожей на типичную девчонку из Финикса, это сыграло бы мне на руку. Но со своей внешностью я везде чувствую себя чужой. Как жаль, что я не загорелая спортивная блондинка — волейболистка или танцовщица из группы поддержки! В общем, не соответствую я представлению о жителях солнечной долины.

Да, кожа у меня очень светлая, несмотря на солнечный климат Аризоны, оттенка слоновой кости, но нет ни голубых глаз, ни рыжих волос, обычно прилагающихся к такой белизне. Я всегда была стройной, но не подтянутой, далеко не спортивного сложения; мне недоставало координации движений, чтобы заниматься спортом и не позориться при

этом — и не подвергать опасности себя и тех, кто окажется поблизости.

Закончив раскладывать одежду в старом сосновом комодe, я взяла сумку с туалетными принадлежностями и отправилась в нашу общую ванную приводить себя в порядок. Расчесывая спутанные влажные волосы, я разглядывала свое отражение в зеркале. Возможно, дело было в освещении, но лицо уже успело приобрести нездоровый желтоватый оттенок. При подходящем освещении моя кожа может выглядеть красиво, она очень чистая и словно полупрозрачная, но многое зависит от цвета лица. Здесь же у меня вообще нет никакого цвета.

Глядя на свое блеклое отражение в зеркале, мне пришлось признать, что я обманываю себя. Я чужая везде не просто потому, что выгляжу иначе. И если я не сумела прижиться в школе, где училось три тысячи человек, на что я могу рассчитывать здесь?

Я с трудом сходилась с ровесниками. А может, и с людьми в целом, вот и все. Даже с мамой, самым близким человеком во всем мире, мы так и не достигли согласия и полного взаимопонимания. Порой я гадала, действительно ли вижу своими глазами тот же самый мир, который видят все остальные. Может, у меня в мозгах глюк?

Но причина, в сущности, не главное. Важнее следствие. И завтрашний день будет лишь началом.

В ту ночь я никак не могла уснуть даже после того, как выплакалась. Несмолкающий шум ветра и стук дождя по крыше мешали погрузиться в блаженное забытье. Я с головой забралась под старое вылинявшее стеганое одеяло, потом накрыла голову подушкой. Но уснуть смогла лишь после полуночи, когда дождь наконец сменился бесшумной моросью.

Густой туман — вот что я увидела, выглянув утром в окно, и почувствовала, как во мне просыпается клаустрофобия. Здесь никогда не видно неба, и кажется, что ты в клетке.

Завтрак с Чарли прошел тихо и мирно. Он пожелал мне удачи в школе, я поблагодарила, зная, что его надежды напрасны: удаче свойственно избегать меня. Чарли первым

уехал в полицейский участок, который заменял ему семью. После его ухода я уселась на один из трех разномастных стульев за старый дубовый кухонный стол и окинула взглядом тесную кухню с темными панелями стен, ярко-желтыми кухонными шкафами и белым линолеумом на полу. Здесь все осталось, как раньше. Шкафы покрасила мама восемнадцать лет назад в надежде сделать дом хоть немного светлее. В соседней гостиной размером с носовой платок над маленьким камином на полке выстроились в ряд фотографии. Первая из них запечатлела Чарли и маму в день бракосочетания в Лас-Вегасе, на следующей мы уже втроем, в клинике, где я родилась, — услужливая медсестра держит меня на руках, далее — школьные снимки. Смотреть на них было неловко — надо бы уговорить Чарли убрать их, по крайней мере, на то время, пока я буду здесь жить.

Находясь в этом доме, было трудно избавиться от мысли, что Чарли так и не оправился после расставания с мамой. Это смущало меня.

Я не хотела появляться в школе слишком рано, но и дома мне не сиделось. Надев куртку, вроде той, что носят сотрудники биозащиты, я вышла под дождь.

Он моросил по-прежнему, слишком мелкий, чтобы сразу же промокнуть под ним. Я вынула ключ, который мы всегда прятали под карнизом у двери, и заперла замок. Хлюпанье новых непромокаемых ботинок раздражало, мне доставало привычного хруста гравия под ногами. Не получилось даже остановиться и полюбоваться своим пикапом: я поторопилась укрыться от сырого тумана, который клубился вокруг головы и словно льнул к волосам, забираясь под капюшон.

В машине было сухо и хорошо. Видимо, Билли или Чарли вычистили кабину, но от бежевой обивки сидений по-прежнему слабо пахло табаком, бензином и мятной жвачкой. На мое счастье, двигатель завелся сразу, только очень шумно — пробудился к жизни, взревел и на полной громкости продолжал работать вхолостую. Ну что ж, должен же быть хоть один изъян у такой старой машины. Зато древнее радио работало, чего я никак не ожидала.